

Дайте переводчику словарь!

О.В. Петрова

От редколлегии. Словари – важнейший инструмент переводчика. К сожалению, в нашем журнале публиковалось не так много статей на лексикографическую тему, и мы рады предложить вниманию читателей посвящённую словарям статью О.В. Петровой. Правда, при обсуждении статьи на редколлегии "Мостов" стало ясно, что позиции, заявленные в ней, дискуссионны. И, чтобы читатели могли сопоставить разные точки зрения, вслед за статьёй О.В. Петровой мы публикуем мнение члена нашей редколлегии профессора Д.И. Ермоловича – человека, которому есть что сказать по вопросам лексикографии.

Обсуждение темы в нашем журнале может быть продолжено.

Могли ли мы ещё пару десятилетий назад представить себе, что библиотеки и книжные магазины будут поистине завалены словарями? Каких только словарей у нас сегодня нет! Одноязычные толковые, комбинаторные, тезаурусы, словари сленга, словари рифм, словари языка и культуры, «активаторы», словари двуязычные общие и отраслевые, словари бумажные и электронные, электронные обычные и пополняемые – ну просто лексикографический рай. Или ад – это как посмотреть.

Такое обилие словарей – естественная реакция на возросший спрос. Многократно возросло количество желающих изучать иностранные языки. Даже не на порядок, а на порядки выросло число тех, кто хочет стать переводчиком. И рынок, естественно, отреагировал на этот возросший спрос. С одной стороны, отечественные издательства стали в спешном порядке издавать всевозможные словари, не слишком заботясь о строгом следовании определённым лексикографическим принципам. С другой – книгоиздатели других стран стали активно «осваивать» наш рынок, наводняя его теми словарями, которые до недавнего времени казались нам пределом мечтаний: Oxford, Longman, Macmillan, Collins... Вот только всегда ли эти словари соответствуют тем

требованиям, которые мы к ним предъявляем? И, с другой стороны, те ли требования мы к ним предъявляем? Всегда ли цель, с которой составлялся словарь, соответствует тому, для чего мы его используем?

Примером явного несоответствия такого рода может служить то, что наиболее широко представленным и в продаже, и в библиотеках **языковых вузов** оказался изданный в 2003 г. Longman Dictionary of Contemporary English (далее – LCE). На кого он рассчитан? В отличие от словарей, в самом названии которых присутствует указание на то, для кого этот словарь предназначен (Oxford Advanced Learner's Dictionary (далее – O7); Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, International Student Edition (далее MED) и т.д.), на обложке этого словаря имеется лишь загадочная надпись "The Living Dictionary". Никаких указаний на уровень владения языком, при котором этот словарь может быть полезным, нет. Зато есть пленяющее своей прямотой сообщение: 106, 000 words and phrases – all the words you need (!). Ещё словарь обещает 1 млн дополнительных предложений из книг и журналов. Беда только в том, что часто даётся множество примеров употребления слова в одном и том же значении в одной и той же (причём наиболее оче-

Рабочее место переводчика

видной) синтаксической модели (Anita's dress, her dress, his dress...), но в то же время, как признаются сами составители словаря, не все приводимые примеры употребления слова соответствуют приводимым определениям. Значит, с одной стороны, не все ЛСВ снабжены примерами, а с другой — в примерах есть ЛСВ, не включённые в основную словарную статью. Почему? Если в картотеке были примеры употребления слова в этом значении, если эти примеры включены в словарь, почему же нет определения этих значений? Что это за новый лексикографический принцип? Ведь если составители сами об этом пишут, значит, это не случайность, не ошибка, а именно принцип. Но какой в нём смысл? Если приводится определение, а потом даётся пример, никак с ним не соотносящийся, то это может поставить в тупик даже человека, неплохо знающего язык. Тот же словарь, но уже его Updated Edition, содержит планы занятий, рекомендуемых для определённых уровней владения языком: первый — для ЛЮБОГО уровня (учимся располагать слова по алфавиту и искать их в словаре — это на ЛЮБОМ-то уровне!), второй — для уровня advanced, с третьего по седьмой — для intermediate (странная последовательность, не так ли?), а последующие — по одному для уровней IELTS, FCE и CAE. Значит ли это, что словарь рассчитан на любой уровень владения языком, в том числе и на достаточно высокий? Тогда почему в нём приводится так мало значений слов? Порой два-три значения там, где, скажем, The American Heritage Dictionary (далее — АН) даёт 7–8 и больше. Сравним, например, словарные статьи на существительное «bracket»:

АН:

1.
 - a. A simple rigid structure in the shape of an L, one arm of which is fixed to a vertical surface, the other projecting horizontally to support a shelf or other weight.
 - b. A small shelf or shelves supported by such structures.

2. Architecture A decorative or weight-bearing structural unit, two sides of which form a right angle with one arm flush against a wall and the other flush beneath a projecting surface, such as eaves or a bay window.

3. A wall-anchored fixture for gas or electricity.

4.

- a. A square bracket.
- b. An angle bracket.
- c. Mathematics See brace.

5. Chiefly British One of a pair of parentheses.

6. A classification or grouping, especially within a sequence of numbers or grades, as a category of incomes sharing the same tax rate.

7.

- a. The distance between two impacting shells, the first aimed beyond a target and the second aimed short of it, used to determine the range for artillery fire.
- b. The shells fired in such a manner.

LCE:

1. [usually plural] also **round bracket**
British English one of the pair of signs put around words to show extra information [= **parenthesis**
American English]

in brackets

Last year's sales figures are given in brackets.

? angle brackets ? square bracket ? punctuation mark

2. **income/tax/age etc bracket** a particular income, tax etc. range:

the highest tax bracket

families in lower income brackets

3. a piece of metal, wood, or plastic, often in the shape of the letter L, fixed to a wall to support something such as a shelf.

При этом в списке примеров действительно присутствуют предложения, не относящиеся с этими тремя значениями: «A good ground is easy to find; hoisting lugs on the engine or the alternator mounting brackets make good grounds», «A little ink bottle and two pens were fastened to its floor by gold brackets», «A slender pointed cellular disrupter swung out on skeletal brackets». По-видимому, предполагается, что человек, не знаю-

ший, что такое *brackets*, знает, что такое *hoisting lugs on the engine or the alternator mounting brackets*, да и вообще в состоянии понять это предложение, которое по сути призвано помочь ему научиться пользоваться словом *bracket*.

Longman Dictionary of Contemporary English можно ругать и дальше – он, право же, этого заслуживает. Однако речь на самом деле идёт не о нём. Всегда были хорошие словари и плохие, удачные и неудачные. Но как случилось, что именно этот словарь стал у нас чуть ли не самым распространённым, причём именно в языковых вузах, где студентов готовят не к экзаменам на IELTS, FCE или CAE, а к профессиональному владению иностранным языком, в том числе и к профессиональной деятельности переводчика?

Нужно ли говорить о том, насколько и сам процесс, и результат работы переводчика зависят от имеющихся у него словарей? Мысль о необходимости постоянного обращения к словарям будущим переводчикам начинают внушать с первого дня их профессиональной подготовки. Студентам рассказывают о существующих видах и типах словарей, их учат грамотно искать необходимую информацию и совершенно справедливо ругают того, кто, выполняя письменный перевод, переводит по догадке, пытаясь вывести значение того или иного слова из контекста или «подтянуть» контекст к единственному известному ему лексико-семантическому варианту. Если, столкнувшись со словом *TV-dinner*, студент начинает фантазировать на темы ужина перед телевизором, передачи типа «Кулинарный поединок» и т.д., ему объясняют, что вместо этого нужно просто посмотреть в словарь и узнать, что это *a meal that you can buy already cooked and prepared, that you only have to heat up before you can eat it (O7)*, или *a frozen prepared meal, usually packaged in a disposable serving tray, that needs only to be heated before serving (АН)* или *a meal that is sold already prepared, so that you just need*

to heat it before eating (LCE). Но это он узнает, если посмотрит в толковый словарь. А если он обратится, скажем, к столь популярному сегодня словарю Lingvo, то он найдёт весьма странное определение: «обед из замороженного полуфабриката (продаётся в алюминиевой фольге), обед на скорую руку». Во-первых, складывается впечатление, что это не продукт, который можно купить, а процесс принятия пищи, представляющей собой замороженный полуфабрикат («обед из полуфабриката»). А это на самом деле даже и не полуфабрикат, а готовое блюдо. Во-вторых, совершенно непонятно, зачем потребовалось добавлять информацию насчёт «алюминиевой фольги», которая в наш век микроволновок ставит в тупик: как же можно разогреть такой «обед». А далее зачем-то добавляется устойчивое выражение «на скорую руку», что создаёт у читателя совершенно искажённое представление о значении исходной лексической единицы. Если *TV-dinner* – это «обед на скорую руку», то и «обед на скорую руку» – это *TV-dinner*. Чему же удивляться, когда студент, имея в виду что-то вроде “Let’s fix a quick lunch”, говорит “Let’s have a TV-dinner”! Ведь ему же СЛОВАРЬ сообщил, что *TV-dinner* – это обед на скорую руку! Студенту невдомёк, что вместо лексического соответствия или описания значения лексической единицы словарь предложил ему вариант перевода этой единицы в определённом (однако не обозначенном в словаре) контексте. Но тогда ведь и в число значений глагола *to be* нужно включать «лежать», «висеть», «стоять», «учиться», «служить» и т.д., так как составитель словаря может иметь в виду разные фразы – *there is a book on the desk, there is a picture on the wall, there is a walking stick in the corner, he is at Oxford, he is in the army...* При чём же здесь значение слова?

Наверное, у каждого переводчика есть своя коллекция невероятных «ляпов», которые ему так или иначе довелось видеть в текстах, переведённых непрофессионально.

Рабочее место переводчика

К числу самых впечатляющих в коллекции автора этих строк можно отнести переведённую на английский язык и заполненную анкету, в которой была графа “Floor: Man’s”, и доклад, который был посвящён изучению “absent-minded radiation”. Можно сколько угодно смеяться над безграмотностью, а главное — над самонадеянностью людей, которые берутся переводить что-то, не зная языка. Но можно посмотреть на эту проблему и по-другому. Разумеется, перевод требует знания языка. Но словари-то издаются именно для тех, кто его не знает или знает не очень хорошо. Иначе не было бы необходимости включать туда, скажем, местоимения, союзы, предлоги и артикли. Значит, пользуясь словарём, какую-то достаточно правильную информацию об интересующих его словах должен получить и человек, который языка практически не знает. Попробуем поставить себя на его место.

Итак, нам нужно перевести графу анкеты: *Пол — мужской*. Открываем словарь на слово «пол». В Мультиране находим список: *floor, sex, half*. Далее — *flooring, gender*. Вот так. Выбирай любое. Исходя из здравого смысла, решаем, что самое первое слово будет самым общим. Но всё-таки решаем проверить. Lingvo: пол I *муж*. floor; II *муж*. биол. *sex*. Итак, второе значение имеет ограничения на употребление (*биол*), а первое — нет. Значит, наше предположение об общеупотребительности слова floor было верным? Пожалуй, стоит всё-таки проверить ещё в каком-нибудь авторитетном русско-английском словаре. Скажем, в Оксфордском. Если в первых двух словарях разные английские слова были поданы как разные значения одного и того же русского слова, то в Оксфордском словаре слов «пол» оказалось уже два: пол¹ floor и пол² sex. Так что нашему «переводчику» предстоит сделать выбор между вариантом floor, не имеющим никаких уточнений (т.е., по видимому, таким же «общим» словом, как и русское «пол»), и словом, которое у него

ассоциируется с употребительным русским «секс». Может быть, он и не так строг в своём отношении к последнему, как учительница английского языка, в своё время написавшая в графе *sex* категоричное “no sex”, но тем не менее он вполне обоснованно выбирает «нейтральное», по его мнению, floor. Ведь ни один словарь не написал, что floor — это только в помещении.

Посмотрим слово *рассеянный*. Мультиран даёт список: *dissipated, scattered, diffused, absent-minded, absent, abstracted, diffuse (о свете и т.н.), hare-brained, vacant (о взгляде и т.н.), erratic, moony, oblivious, vague, dispersed, absentminded, mused, forgetful, sparse, wool-gathering*. Можно только гадать, почему наш горе-переводчик из всего этого лексикографического изобилия выбрал в качестве определения для своей радиации именно *absent-minded*, а скажем, не *erratic, hare-brained* или *wool-gathering*. Но почему-то выбрал. И, возможно, проверил свой выбор. В том же Мультиране: *absent-minded общ. рассеянный*. Всё. Точка. Проверим в Lingvo. *Рассеянный*. В The Oxford Russian Dictionary отдельной статьи нет, но в статье *absent* отдельно выделено *absent-minded: рассеянный*. Сомнений не осталось. Проверять и перепроверять в доступных ему словарях.

Разумеется, приведённые примеры гротескны. Людям, не знающим языка совершенно, словари помочь с переводом не могут. Но эти примеры заставляют задуматься над тем, для кого и для чего словари составляются. К словарям претензий много. Не всегда понятные принципы отбора единиц (почему, скажем, в LCE и MED слово *escrow* есть, а в O7 — нет?), некорректность определений, разноречивость в толкованиях (то же самое *escrow* в лонгмановском словаре определяется как *money, land, or a written contract, etc that is held by someone who is not directly involved in an agreement while the agreement is being achieved*, а в макмиллановском — как *money, property, or a legal*

document that is kept by someone until a particular thing has happened), уже обсуждавшаяся их неполнота. Словарные дефиниции в разных словарях нередко просто противоречат друг другу. Так, столкнувшись с необходимостью найти соответствие слову «пустоты» в тексте, где речь идёт о последних тектонических процессах, переводчик без всякого труда найдёт слово *interstice*. Найдёт он его в русско-английских словарях – скажем, в *Lingvo* или *Multitran* (в том числе с уточнением «пустоты в горных породах»). Правда, в словаре В.К. Мюллера формы «пустоты» нет, есть только «пустота», но зато в его англо-русской части есть *interstice* – *расщелина, скважина*. Если же он захочет проверить значение этого слова по толковым английским словарям, то найдёт дефиниции, которые поставят его в тупик:

a small crack or space in sth – (O7);

a small space or crack in something or between things (Small plants were growing in the interstices of the rock.) – (LCE);

a very small or narrow space between objects or surfaces – (MED);

a space, especially a small or narrow one, between things or parts – (АН)

Все толковые словари с редким единодушным подчёркивают маленький размер этого пустого пространства, скорее соотнося это пространство с понятиями, обозначаемыми русскими словами «щель», «трещина» и т.д. И что в этой ситуации делать переводчику? Поверить нашим словарям и использовать слово *interstices* или поверить толковым словарям, составленным носителями языка, которые утверждают, что больших *interstices* не бывает? Правда, в *Lingvo* есть две статьи – одна на *interstice*, а другая – на *interstices*. *Interstice* определяется как *промежуток; расщелина, щель*, а значение *пустоты* в горных породах приводится в статье *interstices*. Означает ли это, что здесь имеется различие между значениями форм

единственного и множественного числа? Или это неполнота толковых словарей? А может быть, неточность двуязычных? Как переводчик может об этом судить?

Когда студент-переводчик берёт первое попавшееся ему в двуязычном словаре лексическое соответствие, преподаватель совершенно справедливо ругает его за то, что он не проверил значение этого слова по толковому словарю. Но всегда ли такая проверка помогает? Попробуем, скажем, перевести предложение “He tried to be **off-hand** and not too obviously uninterested”, пользуясь в целом очень неплохим «Новым большим англо-русским словарём» под редакцией Ю.Д. Апресяна. Ничего, кроме бессмысленного варианта «Он старался держаться **бесцеремонно** и даже казаться заинтересованным», у нас явно не получится. Проверим слова *off-hand* по толковым словарям. LCE даёт два значения: 1. *not very friendly towards someone when you are talking to them*; 2. *said or done without thinking or planning*. В O7 и того хуже – всего одно значение: (*disapproving*) *not showing much interest in sb/sth*. Действительно, остаётся только признать, что автор английского текста написал странную вещь: его герой сознательно старался вести себя так, чтобы вызвать осуждение окружающих. Но зачем же он тогда пытался скрыть отсутствие заинтересованности? Поможет нам только словарь В.К. Мюллера, фиксирующий значение «*непринуждённый*». Можно было бы предположить, что это значение появилось недавно, а потому не вошло в словарь Ю.Д. Апресяна, изданный в 2000 г., но уже вошло в словарь В.К. Мюллера, вышедший в 2008 г. Только вот приведённое предложение взято из книжки У. Голдинга «Повелитель мух», написанной, как известно, более пятидесяти лет назад.

Складывается невесёлая картина: словари неполны как в плане словника, так и в плане количества ЛСВ, дефиниции расплывчаты (например, *beautiful someone or something that is beautiful is extremely attractive*

Рабочее место переводчика

to look at – LCE) и противоречивы, вместо лексических соответствий в случае словосочетаний и сложных слов нередко приводятся кальки или контекстуально обусловленные переводы (причём без указания на контекст). В целом такие словари, вероятно, вполне достаточны для того, чтобы, как пишется в анкетах, «читать со словарём» те или иные тексты. Но они очень мало помогают переводчику – не только любителю, но и профессионалу, неплохо знающему язык. Попробуйте, скажем, перевести с помощью доступных нам словарей словосочетание «боевой офицер». Попробуйте разобратся, как нужно сказать по-английски «он взмахнул рукой, в которой блеснул клинок» так, чтобы не получилось, что он этой рукой помахал, или «он согнул ноги в коленях, приготовившись к бою», чтобы не получилось, что у него от страха подгибались коленки. Ваше счастье, если вы всё это знаете и словари вам не понадобятся. Но тогда для чего переводчику вообще словари?

И тут мы подходим к главному вопросу: а нужен ли переводчику словарь? И если да, то какой?

Разумеется, словарь нужен. И не словарь, а словари. Ни один переводчик не может знать всех слов – ни в иностранном языке, ни в родном. Но переводчику нужны особые словари.

Во-первых, словари с максимально полным словником. Вряд ли при отборе слов составитель должен решать, может это слово пригодиться переводчику или нет. Ведь даже если исключить специальные тексты (научные, технические, относящиеся к определённой предметной области), при переводе которых следует обратиться к специальным словарям, переводчик никогда не застрахован от появления в публицистическом (и уж тем более художественном) тексте какого-то слова, которое составители картотеки могли отбросить, сочтя «недостойным внимания». Материалом для составления словника должен слу-

жить такой корпус текстов, который исключит отсутствие, скажем, слова *escrow*. В словаре должен даваться предельно полный список ЛСВ, которые должны быть чётко дифференцированы.

Во-вторых – и это не менее важно, – словарь, предназначенный для переводчика, должен иметь расширенную информацию относительно синтаксических моделей, в которых слово употребляется, и его лексической сочетаемости. Её можно включать в толковые или двуязычные словари, а можно создавать и отдельные комбинаторные словари переводчика. Можно не сопровождать эту информацию примерами там, где употребление слова не выходит за рамки структур, общих для всех слов данной части речи. Но все те значения, в которых слово имеет особое, специфичное для него употребление, следует снабжать примерами – они же всё равно в картотеке составителя есть!

И, наконец, третье, наиболее трудновполнимое требование. Переводчику, особенно переводящему с родного языка на иностранный, нужен совершенно особый тип словаря, который можно было бы условно назвать «тезаурусом ситуаций». Все прекрасно знают, что народы, говорящие на разных языках, по-разному описывают, скажем, одни и те же жесты, одну и ту же мимику. Более того, одним и тем же жестам или мимическим движениям разные народы приписывают разное значение. Для говорящих по-русски «круглые глаза» означают удивление, изумление. А “round eyes” – это выражение удовольствия, восторга. Если героиня романа от удовольствия смешно морщила нос, то стоит ли переводить это на английский язык как “wrinkled up her nose”? Не получится ли, что она морщится от дурного запаха? Поэтому переводчику совершенно необходим словарь, в котором бы приводились типичные способы описания стереотипных ситуаций. Там должны быть такие разделы, как «телодвижения», «мимика», «выражение удовольст-

вия/неудовольствия», «выражение гнева», «выражение удивления» и т.д.; там необходим набор клише из стандартных официальных сообщений на разные темы, набор фраз, с которыми официальные лица обращаются к гражданам в стандартных ситуациях (чтобы избежать недоразумений, подобного тому, которое произошло с американцем, говорящим по-русски и даже считающим себя переводчиком: когда остановивший его сотрудник ГАИ потребовал предъявить *документы*, американец честно протянул свой паспорт и долго не мог понять, почему гаишник требовал «другой». Американец доказывал, что едет один и поэтому никакого другого паспорта у него нет). Ничего невозможного в составлении перечня таких ситуаций нет – ведь есть же опыт составления разговорников, в которых приводится не дословный перевод фраз, а именно те самые клише, которые в том или ином случае используют носители

другого языка. Только, разумеется, список ситуаций должен быть значительно полнее, а само слово «ситуация» не должно пониматься только как коммуникативная ситуация. И ещё одно требование – в этом тезаурусе не нужно опускать те случаи, когда клише или стереотипные способы описания в двух языках совпадают. Такие совпадения там тоже должны быть отмечены. Иначе откуда же переводчику знать, что «у них» это могут сказать так же, как «у нас»?

Такой лексикографический справочник необходим не вместо словаря как такового, а в качестве отдельного раздела или даже отдельного тезауруса.

Можно сформулировать и другие требования, но главный принцип должен состоять в том, что нужны словари, по самой своей сути предназначенные для переводчиков и составленные с учётом специфики их работы.

Дайджест

Игра в переводного дурака

А. Ходорыч, В. Долотов, Я. Вельская

В популярной книге Мэта Хейга «Крупнейшие ошибки брендинга. 100 самых громких провалов в истории торговых марок» описывается множество случаев, когда производитель попал в просак с наименованием товаров при выходе на локальные рынки. Многим известен пример Mitsubishi Pajero. Поскольку по-испански pajero значит ещё и «оналист», то для сбыта в испаноязычных странах машину пришлось переименовать в Mitsubishi Montero. Продвигая в Германии сухие дезодоранты, компания Clairol использовала слоган Mist Stick («Туманный дезодорант»), но Mist на немецком сленге означает ещё и «навоз». И примеров такой недальновидности известно немало. Скажем, Pepsi в своё время дословно перевела на китайский язык свой рекламный девиз «Живи с поколением Pepsi» (Come Alive With the Pepsi Generation), который в Поднебесной приобрёл неожиданный смысл: «Пепси заставит ваших предков восстать из могил».

А что в России? Детское питание Bledina, посуда Pedrini, туалетная бумага Serla обрели у нас всенародную популярность разве что в анекдотах.

Нелепости подстерегают даже на уровне обычного технического перевода. «В начале нашей работы, – рассказывает директор по маркетингу представительства Adobe Systems Inc. в России и СНГ Ольга Мананникова, – все переводы делались в Калифорнии. И когда мы увидели фразы “глубокое интимное проникновение в клиента” и “прерывистость приводит к задержкам и неудовлетворённости”, то не знали, смеяться нам или плакать».

«Глобальные бренды часто позволяют себе не считаться с местной спецификой, – сетует президент компании “Контакт-Эксперт” Григорий Трусов. – Проблему привлечения потребителей они решают через массивную рекламу, а также рассчитывая на узнаваемость своего бренда».

☛ на стр. 56